

АНДРЕЙ КОЖЕВНИКОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

АНГЕЛЫ ЕНОХА

исторический детектив

Книга 1

2026 г

Особый отдел

Андрей Кожевников

**Особый отдел. Ангелы
Еноха. Книга 1**

«Автор»

2026

Кожевников А.

Особый отдел. Ангелы Еноха. Книга 1 / А. Кожевников —
«Автор», 2026 — (Особый отдел)

В преддверие начала русско-японской войны Вестов Александр Константинович, офицер Особого отдела Департамента полиции МВД Российской Империи, направляется с секретным заданием на Дальний Восток, где активизировалась деятельность японских шпионов. В ходе выполнения своей миссии он сталкивается с проявлением необъяснимых сил, которые меняют его отношение к происходящим в России событиям. Проходя через серьезные испытания, Вестов стремится найти ответы о прошлом и будущем своей страны. Однако уже сама жизнь ставит перед ним ещё более значимую цель, достижение которой должно спасти его Родину. Он не один в этом. Не только люди, но и силы, данные Творцом, помогают ему найти путь среди хаоса событий, видя в нём того, кто способен изменить мир к лучшему. Вестов не супермен, он выполняет свой служебный долг, как подобает это делать русскому офицеру.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Особый отдел. Ангелы Еноха. Книга 1

Глава

Пролог

30 тысяч лет до нашей эры

«И они спустились на Ардис, который есть вершина горы Ермон; и они назвали её горою Ермон, потому что поклялись на ней и изрекли друг другу заклатья. И вот имена их начальников: Семъйяза, их начальник, Уракибарамеел, Акибеел, Тамиел, Рамуел, Данел, Езекеел, Саракуйял, Азаел, Батраал, Анани, Цакебе, Самсавеел, Сартаел, Турел, Иомъйяел, Аразъйял, Это управители двухсот ангелов, и другие все были с ними». Книга Еноха 2: 6-7.

Над горизонтом медленно поднималась тяжелая свинцово-сизая туча с белыми краями, завернутыми словно свитки старинного пергамента. Она будто готовилась обрушиться всей тяжестью на присмирившую от страха Землю. Семъйяза, отведя взгляд от надвигающейся бури, посмотрел на лица стоящих рядом. Глаза их блестели, отражая сверкающие вдали молнии. Они были полны решимости выполнить данную здесь на горной вершине клятву. Корабль, подняв клубы пыли и издав рокот, исчез в небесной выси.

Через мгновение они разлетятся по бескрайним просторам, чтобы нести знания существам, которых они создали и вырастили. Как отец заботится о своих детях, так и они не могли, не нарушить запрет Творца, оставаясь только наблюдателями и стражами лежащего перед ними мира. Они верили, что он поймет. Прощения не ждали. Земля дала шанс создать себе подобных, и нельзя было упустить его. Иначе холодная вселенская бесконечность постепенно поглотит и их самих. Обнявшись на прощание, они расправили крылья и, сделав шаг в пропасть, бросились в объятия грозových туч, уносимые ими в неизвестность.

Глава 1

Май 1903. Санкт-Петербург. С.В. Зубатов

Утро воскресного дня в мае, как правило, должно быть прекрасным. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь изумрудную листву деревьев тенистого Румянцевского сквера, расположенного на Василеостровском острове Санкт-Петербурга, переливались и искрились в брызгах фонтана. От земли поднимался легкий туман. С каждой минутой всё вокруг становилось ярким и красочным. Весело чирикали воробьи, прыгая между важно расхаживающими по дорожкам голубями. Воздух был прозрачен и свеж. В глубине, в павильоне с утра звучала музыка. У центрального входа, на площадке перед началом тройной аллеи стоял пьедестал с металлической фигурой мальчика, державшего на голове раковину. По направлению к нему неторопливо шёл высокий господин с тростью. Пышные бакенбарды, очки в толстой оправе, на голове модная шляпа «хомбург» и степенный вид намекали на принадлежность этого человека к гуманитарной деятельности. От части, это соответствовало действительности. Однако, никто из его знакомых не мог бы сейчас узнать в данном облике заведующего Особым отделом Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской Империи – Сергея Васильевича Зубатова. Подойдя к скамейке у входа в сквер, он достал из кармана, сшитого по европейской моде укороченного пиджака, газету и, сев, стал внимательно её читать.

Недалеко от сквера на Университетской набережной реки Невы стояли молодой мужчина спортивного телосложения в визитке и симпатичная стройная девушка в светлом платье. Легкие порывы ветра настойчиво пытались внести хаос в гладко зачесанные назад средней длины

его русые волосы. На выбритом лице с румянцем на щеках выделялись слегка закрученные кверху усы. Улыбаясь, он что-то рассказывал, показывая на здание Императорской Академии художеств, а, находящаяся рядом с ним собеседница слушала и смеялась. Ближе к изгороди сквера, проявляя усердие, мел улицу пожилой дворник, всем своим видом, демонстрируя окружающим важность своего дела. Даже шумная ватага малышей с лентами и воздушными шариками в сопровождении их нянь и мам, идущая к входу, не могла отвлечь его внимания от данного занятия. Постепенно сквер наполнялся посетителями.

Периодически Зубатов переводил взгляд с газеты на парадный подъезд музея Императорской Академии художеств и с нетерпением ждал появления человека, который работал в нём ночным сторожем. По агентурной информации, это был некто по фамилии Мацевский, член боевой организации партии социалистов революционеров (эсеров). Более подробных библиографических данных в отношении него собрать не удалось. Однако, было выяснено, что он совместно с Григорием Гершуни, одним из основателей и руководителей партии эсеров и боевой организации, принимал активное участие в подготовке Степана Балмашева к покушению на министра внутренних дел Российской Империи – Дмитрия Сипягина. Поэтому для Зубатова было делом профессиональной чести в годовщину со дня убийства министра задержать и обезвредить члена боевой организации.

Анализируя сведения, поступавшие от агентуры, он понимал, что в стране при поддержке в основном со стороны правящих кругов «Туманного Альбиона» (Foggy Albion) и Германии набирают силу революционные настроения и усиливается волна политического террора, новый этап которой начался в 1901 году с убийства эсером Карповичем министра народного просвещения Боголепова. Основная цель заключалась в уничтожении государственных деятелей, которым доверял Император Николай II, для того, чтобы в дальнейшем через ослабление властных структур и на волне народных выступлений разрушить самодержавие и государственную целостность страны, тем самым открыв простор для реализации западной буржуазией устремлений, направленных на полную колонизацию России. Однако, назначенный вместо Сипягина Плеве, уверял государя, что никакой революции в стране нет, а есть только группы и кружки заговорщиков, которых необходимо обнаружить и уничтожить. В отличие от своего начальника Зубатов предлагал провести низовые реформы, подготовленные с учётом совместимости исторических русских основ с общественным началом, считая, что реформаторская деятельность, основанная на известной свободе общественной самодеятельности, есть вернейшее лекарство против беспорядков и революций. В последние годы, он находился в постоянном поиске наиболее подходящей формы воплощения данной идеи.

Мысли прервались, так как из парадного подъезда вышел полноватый человек с саквояжем в руке и, посмотрев по сторонам, торопливо заспешил по Университетской набережной по направлению к скверу. В нескольких метрах за ним засеменил торговец, державший в руках лоток с галантерейной мелочью, а на встречу покачиваясь, шёл в потертом однобортном сюртуке краснолицый улыбающийся купчишка, придерживая рукой горлышко бутылки, выглядывающей из кармана его штанов. Оставалось несколько метров до того момента, когда они должны были поравняться друг с другом, но этого не произошло. Одна из немногочисленных в столь утренний час пролеток за спиной Мацевского ускорила своё движение и, достигнув его, резко притормозила. Извозчик, распахнул полы длинного до пят кафтана, и, выхватив из-за пояса скорострельный браунинг, не целясь, выстрелил сначала в торговца, а затем в купца. Тела ещё не успели упасть на набережную, как Мацевский метнулся вовнутрь под опущенный кожаный верх, и извозчик стал неистово хлытать лошадь. Через мгновение к набирающей скорость пролетке бросились несколько фигур из числа прохожих, включая дворника, лицо которого побагровело от ярости. В руке он держал наган. Мацевский, подняв саквояж над головой, неистово закричал: «Стоять сволочи, всех взорву!». Тем временем, ускоряя ход, пролетка понеслась по направлению к входу в сквер, где пестрая толпа замерла, не понимая, что

происходит. Вдруг молодой человек, стоявший с девушкой на набережной, бросился наперерез, и высоко подпрыгнув, вышиб ногами с козел извозчика, затем, схватив поводья, резко повернул лошадь по направлению к ограждению реки.

Услышав выстрелы, Зубатов вскочил со скамейки и бросился на набережную. Он увидел пролетку, переваливающуюся через ограждение, человека с выпученными глазами, одной рукой держащего саквояж, а другой вцепившегося в козлы, а также молодого человека, повисшего на поводьях и волоком увлекаемого в Неву вслед за ломающимися колесами и самой конструкцией.

– Сашка, – закричал Зубатов, снимая на бегу пиджак, и в момент, когда пролетка скрылась под водой и раздался сильный взрыв, поднявший столб искрящихся брызг, бросился в месиво из воды, щепок и тел....

Глава 2

Разговор о будущем

Министр финансов Российской Империи, действительный тайный советник, Сергей Юльевич Витте, стоя у окна, смотрел в направлении Александринского театра. Часть здания была видна из окна его кабинета на набережной реки Фонтанки. В памяти возникли образы трагедии Еврипида «Ипполит», постановку которой он не так давно посетил, заодно пообщавшись с режиссером Озаровским. Неохотно расставаясь с мыслями о театре, он повернулся и, немного помедлив, обратился к присутствующим:

– Господа, Вы хорошо знаете, что я был активным сторонником прохождения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию к Тихому океану. По этой причине Государь возложил на Министерство финансов и на меня лично всю ответственность за реализацию этого проекта. По моему мнению, железная дорога должна обеспечить «мирное» завоевание данного региона и дать возможность выхода России на новые рынки сбыта. При этом на берегах Жёлтого моря значительно укрепится наше военное присутствие. Особенно актуально это сейчас, на фоне продолжающейся экспансии Японии в Корею и в Китае.

Витте сделал паузу, ожидая реакции присутствующих – министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве и его подчиненного – директора Департамента полиции Алексея Александровича Лопухина. Участие в разговоре Плеве, с которым Витте находился в политическом соперничестве, было вынужденной мерой. Их разногласия касались вопроса возможной войны с Японией. Если Витте был против неё, то Плеве говорил, что «нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удержать Россию от революции». Однако предстоящая задача не могла быть решена без поддержки и участия министра внутренних дел. Не услышав каких-либо вопросов, Витте продолжил:

– Господа, в текущем году заканчивается строительство КВЖД, которая, как я ранее упоминал, будучи южной веткой Транссибирской магистрали, соединит через территорию Маньчжурии Читу с Владивостоком и с Порт-Артуром. В данный проект вложены колоссальные финансовые средства Русско-Китайского банка, в формировании которого, как вам известно, приняли участие Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, на деятельность которого оказывают сильное влияние германские банки, особенно Diskonte Gesellschaft, и четыре французских банка. Поэтому инвесторы крайне заинтересованы в стабильной работе данной магистрали. Не говоря уже о политическом престиже России, которая тем самым, демонстрирует всему миру экономическое превосходство над Японией. По этим причинам, а также в связи с прокатившимся по территории Северного Китая Боксерским восстанием в кратчайшие сроки необходимо усилить меры безопасности на всей протяженности КВЖД. Поэтому прошу, чтобы Вы незамедлительно предприняли соответствующие меры.

Плеве и Лопухин переглянулись, понимая, что Витте прекрасно знает, что разведывательная и контрразведывательная деятельность, а также мероприятия по обеспечению общественной безопасности осуществляются постоянно. Однако, в словах министра финансов присутствовала какая-то недосказанность, которая была значима лично для него.

– Сергей Юльевич, – сказал Плеве. – Насколько возможно взаимодействие с Военным министерством? Я уверен, что Алексей Николаевич Куропаткин в качестве военного министра побеспокоился о том, чтобы усилить деятельность военной разведки и контрразведки в данном регионе, тем более, что прошедшая в конце прошлого века война между Японией и Цинским Китаем, позволила островному государству контроль над Кореей. При этом японская сторона действовала хитро, ссылаясь на свое участие в конфликте на стороне Корейского государства, во внутренние дела которого, якобы, открыто и тайно вмешивался Китай. Хотя, и особо надеется на разведочное отделение Главного управления Генерального штаба, которое недавно возглавил ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, не приходится. Как мне известно, штат чуть более десяти сотрудников, да и агентов вероятно маловато. Поэтому необходимы общие усилия государственных органов в политике и экономике по продвижению и защите наших интересов на Дальнем Востоке. Витте с понимаем посмотрел на Плеве, ответив:

– Вячеслав Константинович, Вы правы. Поэтому не случайно, что в 1895 году сразу после завершения той войны, о которой Вы упомянули, Российская Империя предоставило Китаю заём в 150 млн руб., а вслед за этим уже в следующем году был подписан Московский русско-китайский договор, как раз и предусматривающий строительство железной дороги через Маньчжурию с выходом на Владивосток. Согласно Конвенции, заключённой между Россией и Китаем в 1898 году о Порт-Артуре в Пекине, южная часть Ляодуна была передана нам в аренду на 25 лет с возможностью продления указанного срока. Фактически, это привело к тому, что Япония лишилась одного из своих главных трофеев в войне с Китаем – Ляодунского полуострова. Аренда Россией портов Люйшунь, он же Порт-Артур и Даляньвань, он же Дальний, с прилегающей акваторией и сухопутным пространством окончательно «вывела из себя» Токио. Господа, фактически мы прошли «точку невозврата» и теперь Япония начинает при поддержке США и Великобритании вести подготовку к войне с нами. Я считаю, что в настоящее время необходимо, поспорить союзников между собой, чтобы значительно снизить их военный потенциал. Поэтому, помимо проведения политического сыска на КВЖД и физической её охраны войсковыми частями, необходимо найти и воспользоваться противоречиями внутри вражеской коалиции до момента начала боевых действий. Максимальная задача заключается в том, чтобы избежать крупномасштабного конфликта на Дальнем Востоке. Витте, сев за стол, пододвинул к себе документы и обратился к Лопухину:

– Алексей Александрович, в связи с тем, что я сообщил, можно рассчитывать на Особый отдел Департамента полиции, который Вы возглавляете. Его сотрудники справятся с данной задачей?

Лопухин понял для чего его пригласил к себе Витте. Хотя, он мог бы обсудить данный вопрос только с Плеве, а потом уже министр внутренних дел поставил бы задачу своему подчиненному, то есть ему. Витте хотел при свидетеле переложить ответственность на него, Лопухина, за организацию и осуществление предстоящих мероприятий, политическая значимость которых была чрезвычайно важной. Любой провал может означать не только завершение карьеры по службе, но и применение к виновному самых суровых мер. Однако не в первый раз, когда не только карьера Лопухина, но и его судьба зависела от результата работы подчиненных ему сотрудников. Несмотря на то, что в орловской мужской гимназии он учился вместе с Петром Столыпиным, а в университетские годы дружил с князем Сергеем Трубецким, в бытность прокурора, ему не раз приходилось, без обращения к власти имущим, самостоятельно принимать ответственные решения.

– Конечно, Сергей Юльевич, мы справимся. При этом необходимо учитывать, что финансовые затраты по линии Особого отдела возрастут и в этой части надеюсь на Вашу личную поддержку, – сказал Лопухин.

Витте понимающе покачал головой. Выходя из здания министерства финансов на вечернюю улицу столицы, Плеве попросил Лопухина утром зайти к нему вместе с Зубатовым с предложениями по состоявшемуся разговору. В лужах на мостовой играли блики от фонарей. Капли майского дождя, переливаясь в свету, как ожерелье ниспадали с небес на землю, связывая твердь с тем, что было вне понимания людей, удерживаемое на вере и воле Всевышнего.

Глава 3

Май 1903. Задание

– Фамилия, а то подохнешь как безымянная собака, – рычал над лежащим на проезжей части Университетской набережной заведующий наружного наблюдения Департамента полиции Евстратий Павлович Медников, ещё мгновение назад в образе трудолюбивого дворника подметавший мостовую.

– Шиманов, – просипел извозчик, пуская из-за рта кровавые пузыри. От удара о брусчатку его голова раскололась и из раны начала течь серо-бурая жидкость, руки были вывернуты в неестественное положение. По телу прошли судороги, глаза застыли и дыхание прекратилось. Рядом раздались свистки и топот городских. Прохожие в ужасе смотрели на происходящее.

Медников бросился к проёму в ограждении, куда устремилась в реку пролетка, унося с собой смертоносный груз и людей. К месту происшествия спешила двухвесельная шлюпка с городскими речной полицией. Несколько минут показались Медникову вечностью. Он видел, как Зубатов, прилагая последние усилия, плывет чуть ниже по течению к гранитной набережной Невы, удерживая над водой голову своего подчиненного, совсем еще юного помощника заведующего Особого отдела – Вестова Александра Константиновича. Уже потом, сидя в кабинете Особого отдела, который находился на четвертом этаже здания на набережной реки Фонтанки д. 16 Зубатов и Медников, не просто знавшие друг друга ещё со службы в Московском охранном отделении, а многие годы рука об руку занимавшиеся созданием и совершенствованием системы политического сыска, прекрасно понимали, что причиной произошедшего сегодня является предательство, которое исходило не извне, а из самого Департамента полиции. В результате, несмотря на уничтожение двух боевиков из ближнего окружения Гершуни, были убиты Спиридонов и Вяткин, одни из лучших сотрудников особого отряда наблюдательных агентов, а также чудом остался в живых Вестов, который, находясь в Обуховской больнице, еще не пришел в сознание. Давило ещё то обстоятельство, что Плеве приказал Зубатову пока Гершуни не будет арестован, его портрет должен стоять на столе у главы Особого отдела. Разговор не клеился. Зубатов после затянувшейся паузы, разглядывая синяки на руках, спросил, больше обращаясь к себе:

– Евстратий Павлович, как эсеры могли так быстро узнать об операции? Либо нас подставил агент, либо те не многие из числа сотрудников Особого отдела и наружного наблюдения, которым было известно, где и когда мы будем задерживать Мацевского.

Вопрос повис в воздухе. Медников, пустив облако сигаретного дыма, глубже уселся в кресло и не сводил взгляда с бюста Николая II, стоявшего на шкафу. Потирая рукой колени, Зубатов встал и, открыв его дверцу, достал с полки графин с коньяком. Молча разлил по рюмкам.

Медников, взяв одну, тихим голосом сказал:

– Помянем ребят, пусть земля будет им пухом, а этого гниду обязательно найдем, и он за всё ответит.

Зубатов, выпив, не чокаясь, стал просматривать листы отчёта.

В дверь кабинета постучала, а затем в него вошла та самая девушка, которая вместе с Вестовым была на набережной. Глаза её покраснели. Лицо было бледным, и дрожащим голосом она сказала:

– Сергей Васильевич, Вас вызывает к себе Лопухин. Срочно.

Зубатов, переглянувшись с Медниковым, ответил:

– Спасибо, Зинаида. Можете идти домой. Вы и так сегодня помогли, быстро найдя экипаж и сопроводив Александра Константиновича в больницу. У меня ещё просьба к Вам. Завтра с утра попроведуйте героя. Может ему требуется помощь.

После того, как дверь за Зинаидой, сотрудницей «стола» делопроизводства Особого отдела, закрылась, Медников проворчал:

– Вызывает уже, будет отчитывать за наши результаты. Уверен, что весь город обсуждает, как в центре, практически рядом с Департаментом полиции, была устроена перестрелка со взрывом, а то, что эти дьяволы, прикрываясь революционными лозунгами, готовы убивать всех подряд, народ и газетенки помалкивают. Будь они не ладны.

Зубатов, взяв на столе папку в синем переплете, со стоном, так как боль в теле напоминала об ударной волне от взрыва, поднялся и, опираясь на плечо Медникова, медленно зашагал по направлению к кабинету директора Департамента полиции. Лопухин уже знал о случившемся и поэтому без удивления встретил Зубатова, который приблизившись, произнес:

– Ваше превосходительство, разрешите доложить.

– Сергей Васильевич, да Вы присядьте. О том, что произошло на Университетской набережной, более подробно, поговорим завтра. Сегодня, несмотря на поздний вечер, нам необходимо обсудить крайне важные вопросы.

Он подробно рассказал о поручении Витте, при этом отметив, что Комитет министров, под председательством Ивана Николаевича Дурново, не особенно опасается вооружённого конфликта с Японией, считая нашу армию непобедимой. Однако, Токио, подписав в 1902 году англо-японский союзный договор, почувствовало уверенность в своих силах, так как данный документ обеспечил гарантию невмешательства других государств в русско-японский конфликт. При том, что любой потенциальный союзник России автоматически становился противником Великобритании. Лопухин отметил, что в предстоящей работе следует опираться на собственные силы и отчасти в вопросах финансового обеспечения на помощь со стороны Витте.

– Сергей Васильевич, на Дальний Восток мы должны направить хорошо подготовленного, опытного сотрудника. В его распоряжение поступит резидентура в Харбине, которой он должен не только управлять, но и расширить её оперативные возможности по всей протяженности КВЖД.

По мере того, как Зубатов слушал Лопухина, лицо его становилось задумчивым. Одно дело заниматься политическим сыском, гоняясь по всей России за революционерами, а другое – вести агентурную деятельность на чужой территории, где население имеет свои традиции, жизненный уклад и духовные ценности. Вдумчиво и внимательно необходимо будет работать с опорой на тех, кто готов помочь в борьбе с японцами, англичанами и их агентурой. Сложность заключается в поиске людей, в чьей надёжности не должно быть сомнений. Тем более сейчас, когда предатели проникли в сам Департамент полиции.

– Алексей Александрович, для этой миссии я бы порекомендовал Вестова, моего помощника, который руководит заграничной агентурой. Однако в настоящее время он находится в больнице и сколько в ней пробудет одному богу известно. Если он не сможет восстановиться, то потребуется время для подготовки другого кандидата.

Лопухина данный ответ явно не удовлетворил. Он подошел к висевшей в его кабинете карте Российской Империи и, разглядывая Дальний Восток, не поворачиваясь к Зубатову, твердо сказал:

– Через месяц, ваш сотрудник должен выехать в Харбин, для того, чтобы преступить к выполнению данного оперативного задания.

Глава 4

Июнь 1903. Выбор

После яркой вспышки и, калейдоскопом меняющихся ослепительных красок стен тоннеля со стремительно возрастающей скоростью проносящихся мимо, в мгновение наступила пугающей своей всё поглощающей бесконечностью чернота, в которой, переливаясь огнями, находилось нечто, напоминающее небесное тело. Оно стремительно приближалось. Под ним, медленно вращаясь в лазурно-голубой дымке, находилась земная твердь, к которой словно икринки в воде летнего пруда, отделяясь от поверхности объекта, ныряли похожие на диски серебристые капли. Движение не прекратилось и в момент входа в него. Неумолимая и неведомая сила тянула вдоль неисчислимых рядов светящихся колон, внутри которых, подрагивая конечностями, находились разной величины существа, похожие на людей, животных, птиц, насекомых, рыб и другую живность. Сложно было понять, сколько времени это движение продолжалось, мгновение или вечность перед тем, как всё вокруг поглотило обволакивающее и дающее умиротворение сияние. Из него постепенно, приобретая схожие с человеческими чертами, появились парящие сущности, а за ними ослепительно белые фигуры четырех безликих гигантов. По мере их приближения, возникло и стало усиливаться ощущение овладения ими того, что в мире людей принято относить к душе, словно это принадлежало им и теперь подлежало возврату. Сначала неуловимо, а затем четче стали проступать их лица. Скорее то, что было на их месте – это огромные глаза, в которых словно в зеркалах отразилось перекошенное глубоким ужасом пепельно-белое лицо Вестова. В провале его рта от безысходности в беззвучии застыл крик отчаяния.

Словно от внутреннего импульса сердце вздрогнуло и учащено забилося, веки приоткрылись. Солнечный зайчик застыл на стене, в нерешительности раздумывая, куда ему переместиться. Вестов, поймал себя на мысли о том, что его сознание, вернувшись из не бытия, не случайно выбрало этот лучезарный объект, чтобы, стряхнув остатки необъяснимого страха и связанных с ним воспоминаний, постепенно включиться в анализ происходящего, сначала решая простые задачи. Тело и голова монотонно ныли. Левая рука была загипсована, а на лбу под повязкой ужасно чесалось. Переведя взгляд со стены, он увидел в глубине больничной палаты девушку в кресле. Зина дремала, подложив под голову свою руку. На её коленях лежала открытая книга. Послышались шаги. Дверь в палату медленно открылась. Зубатов и Медников, стараясь не шуметь, неторопливо вошли и огляделись. Зина, уронив книгу, встала. Вестов, чтобы прервать это небольшое замешательство, удивляясь появившемуся заиканию, попробовал поздороваться. Присутствующие обратившись к нему, заулыбались. Первым отреагировал Зубатов:

– С возвращением Александр Константинович. О самочувствии спрашивать не буду, до свадьбы заживет. – краем глаза, увидев, как засветилось от этих слов лицо Зины.

– Профессор Нечаев, считает, что тебе очень повезло. Хотя взрыв и пришёлся на бедное животное, серьезные травмы ты всё равно должен был получить, а их нет. Ну и славу богу. Он обещает в ближайшее время поставить тебя на ноги и вернуть в наши ряды. В свою очередь, за проявленный героизм, я написал на вышестоящее начальство ходатайство о представлении тебя к награде – Ордену Святой Анны III степени. Мы все считаем, что это оправдано.

Медников аккуратно поставил на прикроватную тумбочку корзину с пирожками, колбасой и фруктами. Вестов почувствовал аппетитный запах, однако, скулы и зубы болели, тем самым свидетельствуя о невозможности попробовать угощение. Он разочарованно вздохнул, при этом заметив иконку Святого Николая Чудотворца. В момент, когда после краткого раз-

говора за дверью скрылись Зубатов с Медниковым, и Зина за ними хотела выйти из палаты, он спросил её:

– Ваша икона.

Она, помедлив секунду, тихо ответила:

– Нет мамина. Она дала её мне тогда, когда я уезжала на учёбу в столицу. Теперь её нет, а иконка осталась. Я знаю, что она помогает. И Вам поможет. Только нужно верить в это.

В её глазах заблестели слезы. Дверь закрылась, а Вестов ещё долго обдумывал эти слова, глядя на рисунок из тоненьких трещин на побеленной стене, напротив. Ничего не имея против веры, он в душе считал себя атеистом. Конечно, по праздникам как все посещал церковь, но так чтобы искренне верить тогда, когда наука практически всё объяснила – это было не серьезно.

Потекли дни лечения. Молодой организм достаточно быстро восстанавливался. Через две недели с перебинтованной головой и с рукой на повязке Вестов появился в рабочем кабинете Зубатова. Заведующий Особым отделом, сидя за рабочим столом, внимательно изучал лежащие перед ним обрывки листков бумаги. Увидев Александра, он поприветствовал:

– Доброго дня герой. Присаживайся. Пытаюсь понять из какой книги данные страницы с текстами. Тем более странно, что, по всей вероятности, они принадлежали эсеру, который взорвал бомбу. Их извлекли из воды с другими остатками его вещей. Вот послушай, что здесь написано: «Тогда поклялись все они вместе и обязались в этом все друг другу заклетами: было же их всего двести. И они спустились на Ардис, который есть вершина горы Ермон; и они назвали её горою Ермон, потому что поклялись на ней и изрекли друг другу заклета. И вот имена их начальников: Семъязя, их начальник, Уракибарамеел, Акибеел, Тамиел, Рамуел, Данел, Езекеел, Саракуйял, Азаел, Батраал, Анани, Цакебе, Самсавеел, Сартаел, Турел, Иомъйяел, Аразъйял, Это управители двухсот ангелов, и другие все были с ними. И они взяли себе жён, и каждый выбрал для себя одну; и они начали входить к ним и смешиваться с ними, и научили их волшебству и заклетами, и открыли им срезывания корней и деревьев. Они зачали и родили великих исполинов, рост которых был в три тысячи локтей».

Зубатов прервался, увидев озадаченное лицо Вестова.

– Это не Ветхий Завет и не Евангелие. Зачем ему такой текст? Ладно, это не основное. Давай поговорим о деле. – Он не спеша рассказал о той задаче, которую поставил перед ними Лопухин, при этом добавив:

– Александр, учитывая состояние, ты можешь отказаться от участия в операции. Никто не упрекнет тебя в этом. Тем более, что предстоящая деятельность специфична и потребует значительных усилий. Враг крайне коварен и соответственно опасен. Я уверен, что в данном регионе функционирует сложившаяся агентурная сеть противника, устремления которой не ограничиваются только Дальним Востоком.

Сделав глоток кофе, и смотря на вензеля на чашечке, он продолжил:

– Я встретился с Лавровым, начальником разведочного отделения Главного управления Генерального штаба, и договорился о предстоящем взаимодействии. Тем более, что это подразделение создано для решения оперативных задач как на территории Российской Империи, так и вне её, а также ему предписано вести контрразведывательную деятельность против иностранных посольств и представительств. Обращаться к Целебровскому, начальнику отделения по военной статистике иностранных государств отдела военной статистики Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба, который формально руководит военной разведкой, я не стал. Они занимаются аналитической деятельностью в кабинетах, а нам необходимо выйти на контакт с противником, на непосредственное противоборство.

Вестов, выслушав Зубатова, ответил:

– Сергей Васильевич, несколько лет назад Вы, предложили мне, студенту физико-математического факультета Петербургского университета, который увлекался народовольческими идеями, выбрать иной жизненный путь – путь служения Отечеству, своему народу. И это я

говорю без пафоса и не потому что так надо, а по той причине, что за время службы мог лично убедиться в том, что террор губителен для России. Смерть, хаос, бедствия – это всё, что он после себя оставляет. Если Вы считаете, что я буду полезен, то я согласен.

Зубатов с благодарностью посмотрел на своего помощника, с улыбкой сказав: – Тогда Александр не будем терять время, его у нас катастрофически не хватает.

Дни подготовки к операции промелькнули быстро, по большей части в разработке легенд, определении маршрута движения, уточнении явочных мест, изучения картотеки со сведениями об агентуре своей и противника, в подборе гардероба, технических средств и оружия. Свободного времени практически не было, но как-то, проходя мимо Исаакиевского собора, главного православного храма Российской Империи, по необъяснимой причине Вестов направился к величественному сооружению высотой более ста метров. В его в памяти всплыли слова учителя гимназии, который с восхищением говорил, что только под мощный фундамент в течение пяти лет было забито почти одиннадцать тысяч свай, а храм окружают 48 колонн, выполненных из цельных гранитных монолитов по 114 тонн каждая. На верхнем ярусе было еще 24 колонны весом по 64 тонны. Однако его влекло не желание посмотреть на внешнее и особенно внутренне убранство, которое напоминало одновременно позолоченный дворец и малахитовую шкатулку, а по мере того, как он подходил к нему он все отчетливее понимал, что хочет поблагодарить Всевышнего за своё спасение. Переплетение в храме античной, католической и масонской символики, а также то, что даже главный вход в нарушение православных канонов был устроен в западном портике, а в восточном вообще входа не было, в настоящий момент не мешало ему сосредоточиться на главном. Войдя вовнутрь, Вестов приблизился к огромной мозаике с изображением Воскресенья Христова. Иисус в пурпурной тоге с каймой, расшитой золотым орнаментом, жемчугами и драгоценными камнями, стоял на облаках. От горения свечей, воздух в зале колебался, и казалось, что фигура Спасителя движется, а он сам стремится, раскрыв свои уста, донести, желая быть услышанным, до каждого своё откровение. Только о чём?

Глава 5

Июль 1903. Командировка

На перроне Ярославского вокзала Москвы, поблескивая начищенными до блеска латунными частями, пыхтел клубами белого пара построенный в США для российских железных дорог паровоз серии «В». Он был один из первых системы Воклена, который имел паровую машину типа «компаунд». Начиная с зимы текущего года, с Москвы в порт Дальний четыре раза в неделю уходили роскошно оборудованные поезда. В полдень на трети сутки пассажиры прибывали в Челябинск, утром на восьмые сутки уже в Иркутск. Затем, в течение четырех часов на пароме была переправа через Байкал. В полдень на двенадцатые сутки поезд прибывал на станцию Маньчжурия, через пять суток – в порт Дальний. Вся поездка занимала 16 суток вместо 35 на океанском корабле. В четырехосном вагоне I класса размещалось восемь двухместных купе, в каждом из которых была дверь в продольный коридор. Вагон имел два туалета с умывальниками, отделение для проводника, два закрытых тамбура. В купе стоял мягкий диван с подъемной спинкой и подвижной столик, который мог использоваться в качестве лестницы для пассажиров, занимающих верхние спальные места. В перегородке между смежными купе размещалась раздвижная дверь, позволяющая два двухместных купе превращать в одно четырехместное.

Возле такого вагона для пассажиров первого класса ранее прибывший из Санкт-Петербурга Вестов, передал кондуктору билет и бессрочную паспортную книжку, свидетельствующую о том, что её предъявитель – Николаев Калистрат Федорович, православного вероисповедания, из дворянского сословия, семейное положение – холост, а также билет до Харбина. На

перроне, несмотря на то, что солнце, скрывалось за облаками, было душно и шумно. Проводник стал помогать носильщику занести багаж пассажира в купе. Сам молодой человек с загоревшей рукой с любопытством разглядывал своих попутчиков по путешествию, заходивших в вагон. Особое внимание привлек невысокого роста полноватого телосложения средних лет смуглый мужчина в широких шароварах и хлопковом халате с поясом, на котором висел нож, трубка и огниво. Монголоидные черты лица с выступающими скулами, высоким лбом и узким разрезом глаз, указывали на его принадлежность к тюркоязычным народам. На бритой голове с косичкой на затылке была войлочная шапка – малахай. Он с достоинством прошествовал в вагон, не обращая внимание на суету, царившую на перроне, которую отчасти создавал долговязый человек в однобортном светлом сюртуке свободного покроя, на белой рубашке с воротничком которого выделялся синий галстук. В руке он держал шляпу-котелок с небольшими полями и закругленным верхом. По бледному лицу с бородой эспаньолкой было видно, что он волнуется. Периодически данный господин обращался к своей спутнице, высокой даме, одетую в платье с жестким корсетом, расширяющуюся к низу как бутон у цветка. Шляпка с вуалью, украшенная цветочной композицией и легкий длинный шарфик завершали её модный образ. Количество багажа, свидетельствовало о том, что данная пара намеревалась совершить длительное путешествие. После непродолжительного препирательства должностного с контролером, они вошли в вагон. Следом за ними последовал запыхавшийся молодцеватого вида подполковник с саквояжем в руке. За ним семенил носильщик, везя на тележке его багаж.

Время приближалось к отправлению и, теперь, уже господин Николаев, прошел в комфортабельное двухместное отделанное красным деревом купе, где ранее разместился его попутчик, средних лет мужчина, читавший газету «Новое слово». Увидев входящего молодого человека, он поздоровался и представился: «Николай Михайлович Тихомиров, инженер путей сообщения, едет по делам в порт Дальний». Калистрат, присаживаясь напротив на диван, в свою очередь, кратко рассказал, что он, будучи преподавателем математики, направляется в частное учебное заведение, женскую гимназию, которую открыла в Харбине мадам Генерозова, где рассчитывает устроиться на работу. С его слов, там требовались учителя для преподавания курсов начальной и средней школы. Так, во всяком случае, было указано в газетной рекламе.

– Пресса сообщает, – далее продолжил Николаев, – что в городе в период строительства дороги открыты только русские школы. Их функционирование обеспечивает администрация Китайской восточной железной дороги либо частные лица. Преподавание ведется также на русском языке. Китайское население, якобы, не стремится к налаживанию собственной системы образования по причине низкого уровня жизни и занятости в сфере неквалифицированного труда. Поэтому я надеюсь, что с трудоустройством проблем не должно возникнуть.

Раздавшийся гудок паровоза прервал разговор. Поезд медленно тронулся. За окном поплыли фигуры провожающих. На Николаева навалилась усталость от суеты последних дней. Он вспомнил, как в целях конспирации прощание с коллегами прошло в стенах Особого отдела. Запомнились глаза Зины с бархатистыми ресницами. Они с надеждой смотрели на него. Зубатов, как всегда, был энергичен. Однако, его голос выдавал волнение. Пожелав удачи, он передал миниатюрные русско-японский и русско-китайские словари, отметив при этом, что в знании сила, а также положенные в конверт листки с историей об сошедших на землю ангелах, как он сказал, так на всякий случай для расширения кругозора. Для Николаева Особый отдел за два года работы в нём стал тем местом, где наиболее отчетливо он почувствовал, что взаимовыручка, военная дисциплина, самоотдача, а нередко возникающие с риском для жизни ситуации позволяют обрести уверенность в себе, утвердиться в правоте общего дела, понять смысл того ради чего живешь. Слабые не выдерживали, сдавались и уходили. Те, кто продолжал работать, становились только сильнее. Путь до Москвы, а затем от Ярославского вокзала до Харбина были не просто очередной командировкой, а новым жизненным этапом. Так, во всяком случае, он думал, глядя как за окном вагона уходят вдаль окраины большого города.

Образ Николаева, преподавателя математики, при формировании легенды для Вестова был выбран не случайно. По окончанию физико-математического факультета Казанского университета реальный Калистрат Федорович, родители которого к тому времени уже умерли, стал активным участником эсеровской боевой группы. Однако, вскоре был задержан полицией. Во время предварительного следствия, находясь в тюрьме, заразился туберкулезом, и по прошествии года умер в одиночестве в арестантской больнице. Учитывая внешнее сходство Вестова с Николаевым Зубатовым было решено, внося исправления в документы, «воскресить» его. Поэтому «новый» Николаев, якобы, выйдя на свободу и, не задерживаясь в Санкт-Петербурге, решил незамедлительно отбыть в поисках работы на край Российской Империи. От родителей ему, якобы, остался не большой капитал, на который он и предпринял данное путешествие.

Перестук колес и очки в толстой оправе, как неотъемлемая часть нового образа, мешали сосредоточиться. Удаляясь от Москвы, Николаев отметил, что железная дорога всё больше становилась притяжением для местного населения. Наряду с жилыми домами в районе станций находились лечебницы, школы и церкви. Со слов Тихомирова, нередко целые поселки с больницами и магазинами строились на частные пожертвования подрядчиков и купцов. Из центральной России за Урал в районы, расположенные вдоль магистрали, переселялись тысячи квалифицированных рабочих и служащих. Правительство выделяло им земельные участки для постройки дворов на условиях 30-летней аренды, с оплатой от 2,5 до 10 руб. в год. Размер усадьбы составлял около трети гектара. Витте хлопотал об увеличении её территории вдвое и бесплатной раздаче. Только с 1897 по 1900 год в Сибирь приехали на постоянное место жительства 830 тыс. человек. Протяженность Великого Сибирского пути от Санкт-Петербурга до Владивостока по северному пассажирскому ходу через Вологду – Пермь – Екатеринбург – Омск – Читу – Харбин составляла 9508 км. Общая постройка Транссиба обошлась казне Российской империи почти в полтора миллиарда золотых рублей.

Прошла неделя в пути. Размеренная жизнь в дороге с одной стороны тяготила монотонностью распорядка и ограниченностью пространства, а с другой каждый день появлялись новые впечатления от увиденного за окном. Просторы страны поражали своей красотой и многообразием. Николаев, готовясь ко сну, про себя отметил, что уже завтра поезд прибудет в Иркутск, а это будет половина пути. Вагон покачивался, на стыках рельс. Колеса монотонно стучали. Периодически впереди раздавался гудок паровоза. Николаев, практически погрузившись в грезы сна, около полуночи вдруг услышал быстрые шаги по крыше вагона, которые направлялись в сторону противоположную движению поезда. Они были достаточно тихие, чтобы обратить внимание пассажиров. Николаев осторожно, чтобы не разбудить своего попутчика, вышел из купе. В коридоре никого не было. Он медленно стал двигаться в сторону удаляющихся шагов. Проходя по соседнему вагону, у него возникли сомнения в реальности им услышанного. За окнами темнота поглотила всё вокруг. Приблизившись к тамбуру почтового вагона, он увидел, что дверь в него приоткрыта и внутри слышится шум. Осторожно ступая, Николаев заглянул вовнутрь. Между рядами мешков с почтовыми отправлениями с трудом было видно, как темный силуэт тянул по полу нечто. Мгновения было достаточно, чтобы в направлении появившегося в дверном проёме Николаева полетел нож. Если бы не висевшая на уровне сердца загипсованная рука, в которую он вонзился, шансов остаться в живых у него не было. Затем последовал удар ногой в голову. Николаев, отлетев в противоположную сторону от двери, упал и затих. По ощущениям прошла вечность, когда, открыв глаза, он увидел мелькание клинков и тел. Казалось не реальным, что ранее привлекший на перроне внимание тюрк может так быстро двигаться, уклоняясь от ножа, который был в руке человека в черном одеянии. Ограниченное пространство не позволяло им смещаться в сторону от взаимных выпадов в полной мере. Противники вновь нанесли друг другу удары. Вдоль бритой головы появилась красная полоса, а затем брызнула кровь, а черная фигура резко присела на колени, прижимая

руку к телу в области печени. Тут же тюрк нанес противнику удар ножом в шею. Срывая маску со своего лица и поднимая руку, человек шипящим голосом произнес: – Дай мне умереть.

В черных овалах глазниц от приглушенного света лишь мерцали слабые точки. Незнакомец прошептал: – Gott mit uns, – и добавил только губами: – Я ухажу. Хотел ещё что-то сказать, но из-за рта пошла кровь. Он повалился на спину и, уставившись в потолок, перестал дышать. Николаев, покачиваясь и опираясь на стену тамбура поднялся. Не обращая внимания на порез на голове, его спаситель вытащил из почтового вагона то, что оказалось телом подполковника и, вложив в его руку брошенный в Николаева нож, положил рядом с человеком в черной одежде. Затем без объяснения, прижимая рукав халата к ране, увлек Калистрата по направлению к вагону, где они ехали. Находясь в купе незнакомца, было слышно, что мимо них, по направлению к тому месту, где они только что были, пробежали несколько человек. Раздались громкие возгласы. Кто-то требовал полицию и жандармов. Когда шум за дверью стих сидевший напротив Николаева человек сказал:

– Моё имя Долгар. Владимир Николаевич Лавров поручил мне обеспечить Вашу безопасность. Вы поступили не осторожно, когда пошли в почтовый вагон. Хотя, судьбе было угодно, чтобы убивший офицера, нашел свою смерть там же.

Николаев понял, что своими действиями он чуть не провалил всю операцию, практически не начав её. Произошедшее указывало на то, что окружающая его безмятежность обманчива. Если бы не помощь посланника военной разведки, то лежал бы он сейчас в тамбуре в луже собственной крови рядом с подполковником. Вернувшись в своё купе, Николаев, глядя в окно, увидел, как на ближайшей станции из вагона вынесли трупы, и полиция вывела долгового господина. Проводник «по секрету» потом сообщил пассажирам вагона, что сопровождала его не женщина, а переодетый мужчина, и, вообще, это были немецкие шпионы, которые охотились за секретными документами. В течение нескольких часов полиция проводила опрос пассажиров. Николаев переживал за Долгара, рана которого могла бы привлечь внимание и вызвать у следователя подозрение. Однако его спаситель надел на голову меховую шапку и, несмотря на все старания полицейского, упрямо демонстрировал слабое знание русского языка. Через несколько часов поезд продолжил свое движение, стараясь нагнать по времени возникшее отставание от графика.

Проехав Иркутск, где пассажиры бродили по дощатому перрону вокзала, к которому вела однопутная железная дорога, состав прибыл к Байкальской железнодорожной переправе. У устья реки Ангары в порту «Байкал» к причалу был пришвартован пассажирско-грузовой пароход-ледокол «Ангара». Прохаживаясь в ожидании посадки на него, Тихомиров со знанием вопроса рассказывал Николаеву:

– Калистрат Федорович, нам повезло, что строительство порта «Танхой» завершилось в этом году. Это значительно сократило маршрут движения, который теперь составляет 42 км, что, в свою очередь, увеличило число рейсов до 3-4 в сутки. Раннее маршрут из порта «Байкал» до гавани «Мысовая» был протяженностью 72 км, что обеспечивало всего 1–1.5 рейса в сутки. Важную роль сыграла данная переправа в событиях последних лет, когда по причине Боксёрского восстания потребовалось срочно перебросить войска в Маньчжурию. Повстанцы уничтожили большую часть проложенных путей Китайско-Восточной железной дороги, сожгли хозяйственные постройки. К большому сожалению, были убиты десятки русских инженеров и рабочих, в том числе мои коллеги, которых я хорошо знал.

По лицу Тихомирова пробежала тень печали. Он прервался и отвел от собеседника глаза. Затем продолжил:

– Кроме людей, лошадей и военных грузов, пришлось перевозить материал для КВЖД и для ветки, строившейся от Забайкальской железной дороги к Китайской границе. Данная переправа успешно справилась с задачей по усилению пропускной способности Сибирской железной дороги, несмотря на то, что Байкал – это особое озеро.

Уже, находясь на палубе парохода, плывущего в окружении волн, Николаев мог сам убедиться в том, что Байкал поражает своей красотой и размерами. На фоне него человек чувствует себя беззащитным и в тоже время им очарованным. За бортом, в прозрачную и прохладную изумрудную бездну уходили лучи заходящего за горизонт солнца. Стаи рыб, словно тени, то появлялись, то исчезали в переливах воды. Стоя в одиночестве под порывами ветра, он думал о том, что люди лишь временные свидетели данного величия природы. Собираясь, было уходить, Николаев повернулся в направлении кают, но сделав шаг остановился. Ему показалось, что за бортом в глубине он видит, переливающиеся как алмазное ожерелье огни, которые приближались к поверхности. Шли секунды, но видение не пропало, а наоборот. Нечто серебряное, с чередующимися по окружности выступами, увеличившись размерами с пароход, уже двигалось под ним. Круглое по форме, с огнями по краям оно вызвало у Николаева панический страх. Не понимая, как объяснить то, что сейчас находится в нескольких метрах под килем судна, в оцепенении он заковано смотрел на таинственный объект. Через несколько минут он также неожиданно, как и появился, без какого-либо звука исчез в глубине озера. Под впечатлением от увиденного Николаев поспешил на капитанский мостик, скорее для того, чтобы убедиться в реальности произошедшего.

– Господин капитан, прошу прощение за беспокойство, но я видел, что под водой, ниже парохода, плыл большой светящийся объект. Что это было?

Человек с седыми волосами в форменной одежде, сняв с головы фуражку, протер лоб платком. Повернувшись к вахтенному матросу, усмехнувшись, сказал:

– Степаныч, будь добр, налей пару капель самогона господину пассажиру. А ты говоришь, зачем я бутылку здесь держу.

Николаев взял протянутую рюмку и в нерешительности замешкался.

– Пей, – сказал капитан. – Легче будет, а то в голове ещё что-нибудь произойдет. Вон Михалыч, из местных рыбаков, после этого вообще с промыслом завязал. За самогон не переживай, на кедровых орехах настоян. Поможет успокоиться. Как говорят местные, это хозяин озера, сторожит место силы. Мы стараемся уже не обращать на него внимание. Да и редко кто его видит. Тебе можно так сказать «повезло». Хотя лучше помалкивать об этом, а то посчитают сумасшедшим. Иди лучше огурчиком закуси.

Даже через несколько дней, подъезжая к Чите, впечатление от увиденного сохранилось во всей полноте пережитых эмоций. Байкал – это действительно особое озеро, – эта мысль не выходила из головы. Николаев, слушая перестук колес, обратился к Тихомирову:

– Вы верите в бога? Можете не отвечать – это сугубо личное. Просто хочу, посоветовавшись, понять: как совместить в душе рациональное восприятие с тем, что происходит в голове, порождающей образы, мысли и чувства, а также тогда, когда сталкиваешься с необъяснимым. С одной стороны, только вера, поклонение, культ, а с другой, чувство близости и присутствие Создателя в своих ощущениях и переживаниях, а также не только возможность обратиться к нему в поиске поддержки и защиты, но и получить просимое. Как может сочетаться в человеке не сочетаемое, когда вместо любви и добродетели некоторые испытывают упоение и радость от причиняемого ими горя другим, как следствие от ранее впитанных обид, зависти и злости. Словно постоянно борются два начала, два естества – животные инстинкты в еде, размножении и в доминировании над себе подобными, с тем духовным и созидательным, которое через преодоление хаоса должно обеспечить взаимную гармонию.

Тихомиров не торопился с ответом. В красивом подстаканнике с эмблемой российских железных дорог по стеклу позвякивала в такт колес, проезжающим по стыкам рельс, серебряная ложка. Наконец он сказал:

– На эти вопросы я не могу дать ответа, несмотря на то, что считаю себя верующим. Однако, в последние годы, как и Вы, я всё больше задумываюсь о той роли, которая нам отведена. Вот посудите сами. Всем работающим на Трансибе и КВЖД запрещено говорить о том,

как строилась данная магистраль и почему так быстро. Причина одна, она ранее существовала. Мы её не прокладывали, а только откапывали, приспособив под современный подвижной состав. Самое поразительное, что извлекаемые из земли рельсы не были ржавыми, отличаясь конструктивно от тех, которые мы сейчас установили. Они были намного массивнее, практически совпадая с теми рельсами, которые ранее также были уложены опять кем-то в Москве, Петербурге и других крупных городах у нас в стране и за границей. Их также откапывали из земли. Мои старшие коллеги утверждают, что полвека назад по ним ходил транспорт на тяге, которая использовала электромагнитную индукцию, когда электрический ток возникал в замкнутом проводящем контуре при изменении магнитного потока. Эта вечная энергия окружающего нас мира. Однако сейчас, с появлением двигателя внутреннего сгорания эта технология всячески замалчивается. Я собственными глазами видел тысячи вагонов этого городского транспорта без кабин для водителей, без двигателей, которые помещены на складские территории. Кому-то видимо выгодно продвигать то, что приносит прибыль. Хорошо, что пока дирижабли не запретили. Они комфортнее и проще в эксплуатации, чем аэропланы. Вместимость несоизмеримо больше и могут взлетать, а также садиться практически в любом месте. А «Наутилус» капитана Немо? Лично я считаю, что произведения Жюль Верна – это не выдумка автора, а описание ранее существовавших технологий.

Тихомиров, проверив закрыта ли дверь в купе, продолжил, понизив голос:

– Вы не обратили внимание на наш паровоз, но я скажу по секрету, что в его топке преобразование в тепловую энергию происходит не за счет сжигания угля, который на всякий случай есть в бункере, а с помощью находящегося в постоянной активности нагревательного элемента. Благодаря ему, вода в котле превращается в пар, который далее поступает в парораспределительный механизм и через соответствующие привода и системы придает движение колёсам. Эти элементы под строжайшим контролем военных используются на поездах дальнего следования, на кораблях и для обогрева больших помещений. Подполковник, которого убили, как раз и был из их числа. Вероятно, немцы стремились получить нагревательный элемент, либо документацию на него. Я не знаю, что это за технология, но её эффективность просто поражает.

Далее Тихомиров высказал предположение, что колокольни и купола церквей, возможно, ранее использовали для генерации атмосферной энергии, чтобы потом применять её в хозяйственной деятельности.

– Николай Михайлович, – сказал Вестов задумчиво.

– Вы натолкнули меня на мысли о том, что, зачастую, от внимания ускользает то, что находится перед нашими глазами. В связи с этим, если бы потребовалось изобразить последствия, которые могли бы наступить после катастрофы, то лучше, чем это сделали Пиранези, Робер, Панини и другие художники-руинисты, представить себе сложно. Посмотрите репродукции их картин с развалинами античных зданий и памятников, где люди, как гости, попавшие в чужой мир. Добавлю ещё то, что в Европе и сейчас не редкость увидеть огромных размеров построенные в прошлом ветряные и водные мельницы, со сложными механизмами, которые явно рассчитаны на решение более разнообразных задач, чем просто помол муки.

Обсуждая подобные примеры из жизни, они сошлись в мнении, что есть нечто большее, чем текущая реальность, когда это необъяснимое, существуя рядом с обыденным и привычным, готово дать подсказки тем, кто желает их получить, выбирая путь творческого созидания к намеченной, а может быть и predetermined цели. Разговор закончился, когда темнота растворила в себе проносящиеся за окном просторы знакомой и в тоже время такой загадочной, как выяснилось по итогу разговора, страны. Утром поезд прибыл в Читу. На городском вокзале из соседнего вагона вышел осанистый полковник с пышными усами и бородой. К нему подбежали двое в железнодорожной форме и стали быстро говорить, а затем все вместе скрылись в здании. Николаев, находясь на перроне, не обратил бы внимание на этих людей, если бы, не заметил, как не далеко от этого места стояла разыскиваемая по всей Империи член бое-

вой организации эсеров Дора Владимировна Бриллиант. Осенью прошло года ей удалось уйти от преследования полиции и выехать из столицы. Теперь она на вокзале Читы, скрывая лицо под вуалью, увидев полковника, потянула руку вовнутрь изготовленного из гобелена риди-кюля. Ещё мгновение и, как был уверен Николаев, раздались бы выстрелы. Внезапно появившиеся возле объекта её устремлений собеседники, заставили её передумать. Постояв несколько минут, Бриллиант не спеша пошла вслед за полковником. Оглядевшись по сторонам, Николаев понял, что его призыв к стоявшим у здания вокзала жандармам задержать женщину с риди-кюлем, может вызвать обратную реакцию. Кто поверит молодому человеку в очках и с загипсованной рукой, что миловидная женщина является убийцей и государственным преступником. Скорее в участок заберут его для разбирательства. Он также не исключал, что рядом находятся её сообщники. Поэтому оставался один вариант – это действовать самому. Ускорив шаг, Николаев практически одновременно с Бриллиант оказался внутри зала ожидания. В нескольких метрах из служебного кабинета администрации вокзала вышел полковник. Женщина повернулась в его сторону. В этот момент рядом с ней поравнялся буфетчик, который нёс в руках кувшин с квасом. Николаев несильно сзади ударил по его ступне, ноги у мужчины переплелись. Падая, он выпустил из рук кувшин, из которого содержимое обильно полилось на платье дамы. Женщина громко закричала, ругаясь на буфетчика, а затем, подхватив подол, побежала к выходу. Полковник покачал головой и пошел к поезду. Николаев также поспешил вернуться в вагон. Тихомиров, встречая попутчика в тамбуре, сказал:

– Калистрат Федорович, приятно был удивлен, когда увидел, что вместе с нами, в соседнем вагоне едет полковник железнодорожных войск Дмитрий Леонидович Хорват, назначенный не так давно руководителем строительством и управляющим КВЖД. Я лично его хорошо знаю. Теперь он будет в распоряжении Министра финансов Витте, так как в ведении данного ведомства находится дорога. Вероятно, следует в Харбин, к месту своего назначения, тем более, что забот там хватает. Китайское правительство предоставило России землю вдоль всего полотна, в частности 9 вёрст по сторонам от линии, так называемую «полосу отчуждения». В её пределах действуют законы Российской Империи, созданы специальная полиция, суды и органы управления.

Николаев про себя подумал, что пути господни неисповедимы. Не ведая того, спас от гибели человека, в чьи руки вверена судьба магистрали. Чем ближе поезд приближался к Китайской границе, тем чаще в населенных пунктах вдоль дороги можно было увидеть военных, из числа проходивших службу в особом Заамурском округе, образованном в составе Отдельного корпуса пограничной стражи, которым была вверена охрана железной дороги. По мере следования по территории Маньчжурии, Николаев отметил, что, несмотря на царившую на придорожных станциях обычную суету, по настороженным взглядам местных жителей и пассажиров, по увеличившемуся количеству военных, возникло чувство тревожности, которое постепенно стало перерастать в ощущение опасности, ещё не осязаемое, но уже присутствующее в душе. Оно говорило, что ты чужой на этой земле. Тебе, как минимум, никто здесь не рад. Особенно это состояние дополняли образы соотечественников погибших на КЖВД в результате нападения на них ихэтуаней – повстанцев, цель борьбы которых заключалась в изгнании с территории Китая иностранцев. Вызвано это было тем, что из-за строительства железной дороги, введения почтово-телеграфной связи, роста импорта фабричных товаров большое количество местных жителей потеряло работу. На протяжении веков они занимались в качестве лодочников, возчиков извозным промыслом. Резко сократилась потребность в охранниках, носильщиках, погонщиках и смотрителях посыльных служб. Дополнительно, стихийные бедствия и эпидемии холеры значительно ухудшили жизнь населения. В таких условиях, начиная 1898 года, на севере Китая начали активно действовать множество стихийно сформированных отрядов, бойцы которых регулярно занимались физическими упражнениями (цюань), напоминаящими кулачный бой. Впоследствии по этой причине они были прозваны

европейцами боксёрами, а восстание – «Боксерским восстанием». Выступления удалось подавить только 1902 году коалиционными силами в составе войск, сформированных из армейских частей таких стран как Россия, Япония, Великобритания, Германия, США, Франция, Австро-Венгрия и Италия. Поэтому было бы наивно ожидать от местного населения какой-либо поддержки.

Лишь пострадавшие от ихэтуаней, немногочисленные китайцы-христиане были лояльно настроены по отношению к русским. С такими мыслями Николаев вышел на перрон вокзала города Харбина. Недавно построенное здание с просторными залами, высокими потолками, с шумной толпой встречающих, говорящих преимущественно на русском языке, постепенно развеяли мрачные мысли. Тихомиров, взяв за руку Николаева, подвел к Хорвату. Поздоровавшись сам, он представил Калистра полковнику, который скорее из вежливости сообщил, что рад знакомству и предложил в будущем встретиться. Затем он в сопровождении супруги, трех маленьких дочерей и сына, а также встречающих железнодорожный служащих пошел к выходу вокзала. После прощания со своим попутчиком на привокзальную площадь поспешил и сам Николаев. На ходу он в боковой карман пиджака положил визитную карточку, которую ещё в поезде дал ему Долгар. На ней было указано «Пушнина. Торговый город. Купеческая лавка. Центральная улица».

Глава 6

Август 1903. Харбин

Харбин шумел многоликой толпой. Китайцы из-за суровых зим называли его «город льда», а местная русская диаспора величала «восточной Москвой». Он возник на месте рыбацкого поселения, существовавшего на берегу судоходной реки Сунгари, притока Амура. В первой половине 20 века Харбин был классическим губернским русским городом, таким как Красноярск или Иркутск. Согласно переписи общее число жителей в 1903 году составило почти 45 тыс. человек, из которых 15 тыс. по национальности были русскими, 28 тыс. – китайцы, а остальные представители других этносов, включая несколько тысяч евреев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.